

Сяо Цичэнь безразлично пожал плечами:

— Я не унижаю себя, просто во внутреннем дворце может быть лишь один наследник. Скажи, разве старший брат Юй, так жадно рвущийся к власти, в итоге не станет всего лишь подданным старшего брата Пина? Я же ни за что не борюсь, а в конце концов всё равно получу княжеский титул, собственный дворец и буду купаться в роскоши. К чему мне суетиться?

Су Янь на мгновение задумался. В этих словах ему почудился отблеск будущей борьбы принцев за престол. Он уже собирался что-то сказать, как вдруг увидел, что со стороны бежит служанка Люй-и, приставленная к Сяо Цичэню. Лицо её было искажено тревогой:

— Шестой принц, господин Су! С наследником престола... с ним случилась беда!

****Примечание автора:****

Если проводить исторические параллели, «Чанъю» заимствует некоторые элементы эпохи Южных и Северных династий, в частности государства Нань Лян. Хотя географические границы не полностью соответствуют тому периоду, можно считать, что действие происходит примерно в VI веке нашей эры.

В этом контексте в тексте упоминается кочевая народность — тюрки, о которой позже будет рассказано подробнее. Выбор тюрков продиктован желанием сохранить исторический колорит, не более того. Их культурные особенности, такие как культ волка, поклонение Небу и Солнцу, будут описаны в соответствующих главах с отсылками к академическим источникам.

Однако мир романа всё же отличается от реальной истории, поэтому его следует считать альтернативным.

Что касается терминологии, я в основном придерживался традиционной феодальной системы, хотя многие элементы имеют исторические аналоги. Менее известные или придуманные мной понятия будут поясняться в примечаниях к соответствующим главам.

Буду признателен, если читатели укажут на возможные ошибки.

Двадцать шестой год девиза правления Туннин. Первый месяц. Празднование Нового года ещё не закончилось, но в Тайчэне царит гнетущая атмосфера, без намёка на праздничное веселье.

Наследник престола, старший законнорожденный сын императора Сяо Ципин с детства был образцом сдержанности, трудолюбия и скромности, обладая подлинно императорским достоинством, и на него возлагали большие надежды. Ему вот-вот должно было исполниться шестнадцать, возраст, когда он мог бы начать присутствовать на придворных собраниях и участвовать в управлении государством как наследник. Казалось, всё развивалось в полном соответствии с ожиданиями императора.

И вот, в самый разгар, тринадцатого числа первого месяца, когда ничто не предвещало беды, случилось непоправимое.

В тот день Сяо Ципин, едва встав с постели, нечаянно опрокинул чай, поданный служанкой. Схватив свою приближённую фрейлину за руку, он спросил:

— Неужели ещё не рассвело? Мне кажется, в глазах пелена, все предметы в комнате лишь смутные тени, я не могу их разглядеть.

Служанка тут же впала в панику. К счастью, старшая гоф-фрейлина взяла ситуацию под контроль: сначала отправила доложить императрице, затем вызвала придворных врачей. К тому времени, как императрица прибыла в Восточный дворец, врачи стояли на коленях, и никто не решался заговорить первым.

Наконец один пожилой лекарь, дрожа, произнёс длинную речь. Суть её сводилась к тому, что у наследника престола поражение глаз, возможно, вследствие отравления, состояние будет лишь ухудшаться, и даже лучшие врачи бессильны ему помочь.

Наследник престола ослеп. Императрица, услышав это, лишилась чувств. Скрыть случившееся от императора было невозможно. Сяо Янь стремительно явился и, лично убедившись, что у Сяо Ципина действительно проблемы со зрением, пришёл в ярость.

Расследование, сумбурное и беспорядочное, длилось больше месяца. Допрашивали каждого, кто был рядом с наследником, и в конце концов истина открылась.

Маленький евнух, что когда-то указал дорогу Су Яню, попытался сбежать, перебравшись через стену, но был схвачен императорской гвардией и доставлен в Восточный дворец. На таком серьёзном этапе побег выглядел крайне подозрительно. Чиновники Высшего суда не стали медлить: после долгих допросов, угроз, посулов и пыток евнух во всём сознался.

Он не назвал заказчика и принял яд, унеся тайну с собой в могилу.

Императрица, конечно, не собиралась с этим мириться, но расследование зашло в тупик. Евнух был сиротой: после смерти родителей дядя продал его во дворец, и с самого начала он служил в Восточном дворце. Юноша был миловиден, голос приятен, и Сяо Ципин особо благоволил к нему, разрешал учиться грамоте, а иногда даже слушал, как тот читает ему вслух.

Вероятно, самому Сяо Ципину и в голову не могло прийти, что именно этот евнух, всегда находившийся рядом, будет понемногу подмешивать яд в его еду, пока тот окончательно не ослепнет.

Наследник ломал голову, но так и не понял, в чём мог его обидеть.

Испокон веков человек с физическим изъяном не мог взойти на престол. Даже если император, разобравшись в деле, и не заговорил прямо о смещении наследника и назначении нового, оставив Сяо Ципина в Восточном дворце, всем здравомыслящим людям было ясно: его положение наследника стало чистой формальностью.

Как только прошёл праздник Цинмин, император совершил обряд жертвоприношения Небу, моля о благоприятной погоде в наступившем году. Вернувшись во дворец, он неожиданно издал указ: всех молодых аристократов, бывших спутниками наследника в Восточном дворце, надлежало отправить по домам, однако они могли продолжать обучение в Императорской академии. Этот указ подобно удару грома среди ясного неба окончательно развеял последние надежды императрицы.

Придворные кланы в ту эпоху были могущественны и строго иерархичны. Все высокопоставленные чиновники пятого ранга и выше происходили из знатных аристократических семей. Уроженцам незнатных родов пробиться наверх и сделать карьеру было труднее, чем взойти на небо.

Назначение аристократов в спутники наследнику, казалось бы, служило лишь развлечению в его уединении, но на самом деле было тонким ходом императора, готовившего для сына круг

преданных сторонников. Если с юных лет они будут товарищами по играм и соучениками, то в будущем, став его министрами, непременно посвятят ему все силы. А когда наследник взойдет на престол, у него уже будут верные люди, которых он знает как облупленных.

У каждого императора — свои приближенные. Теперь, когда вокруг старшего принца уже сформировался целый круг сторонников, лучше было заранее устранить возможные препятствия, чем ждать, пока Сяо Ципин окрепнет и обзаведется собственными людьми.

Но человеческие расчёты — ничто перед волей Неба. Как бы дальновиден ни был Сяо Янь, он не мог предугадать, что его тщательно взращённый наследник падёт жертвой какого-то ничтожного евнуха.

— Когда ты вернёшься домой? — спросил Сяо Цичэнь, сидя на круглом табурете и наблюдая, как Су Янь собирает вещи. Не получив ответа, он добавил:

— И почему никто из слуг не помогает тебе?

Завернув последний халат, Су Янь ответил:

— Я всего лишь слуга, не то что вы, принц, у которого за каждое дело берутся другие. Сейчас в Восточном дворце суматоха, все только и мечтают прислужить наследнику престола. Нам, тем, кто вот-вот уедет, уже не до того.

Сяо Цичэнь задумался, затем спокойно произнёс:

— А когда вернёшься домой... сможешь ли ты снова попасть сюда, во дворец?

Движения Су Яня замедлились. Он уставился на вышитого журавля на покрывале, и сердце его болезненно сжалось. С его нынешним красноречием и скудным жизненным опытом он не мог выразить сложную гамму охвативших его чувств.

По обычаю, принцы до получения титула живут во внутреннем дворце вместе со своими матерями. В восемнадцать лет им жалуют княжеский титул и земли, разбросанные по всей империи и управляемые наместниками. Если только их не сошлют в поместья за серьёзные проступки, взрослые принцы обычно продолжают жить в Цзиньлине.

Императорская академия тоже находилась в Тайчэне, но не в глубине запретного города. Помимо принцев, там учились и молодые аристократы. Если они не были назначены спутниками принцев, то обычно не могли свободно входить во дворец и учиться вместе с ними.

Но они только-только сблизились, привыкли быть неразлучными — и вот их разлучают. Впредь Су Янь не сможет войти во дворец, а Сяо Цичэнь не сможет выйти. Десять лет их будет разделять высокая стена, и кто знает, какими они встретятся вновь?

При этой мысли Су Яня охватила тоска. Он был ещё слишком юн, и самое глубокое горе, которое он знал, — это когда брат, с которым он спал каждую ночь, вдруг исчезал. Теперь же, вспоминая то время, он чувствовал запоздалую печаль. Но Сяо Цичэнь... он останется жив, и без Су Яня его жизнь наверняка не станет хуже.

Казалось, эти печальные мысли волновали лишь одного Су Яня. Он взглянул на Сяо Цичэня: тот по-прежнему сидел на табурете с простодушным видом, будто его вообще ничто не тревожило. Он был так безмятежен, что Су Янь почти поверил, будто просто возвращается домой на ночь, а завтра снова придёт в Чертог Чэнлань, и они вместе будут кормить рыб и

птиц, читать книги в саду.

Последние два года они часто вместе гуляли вокруг других дворцов. Сяо Цичэнь с детства любил исследовать закоулки и водил Су Яня по длинным, сумрачным коридорам, указывая на крыши и павильоны, объясняя, что как называется. Эти звучные названия постепенно выстраивались в голове Су Яня в целый императорский город — правильный, квадратный, с высокими башнями. И в центре этого города был юноша, благодаря которому Су Янь не чувствовал себя раздавленным всей этой тяжеловесной роскошью.

Весной после занятий они запускали бумажного змея в императорском саду; тот зацепился за иву, и Су Яню пришлось залезать на дерево, чтобы снять его.

Когда лотосы в прудах цвели пышным цветом, Сяо Цичэнь выпросил у наследника небольшую лодку и, шутя, говорил, что это озеро ничуть не хуже реки Циньхуай.

<http://bllate.org/book/15940/1424913>